

Ф.Е.Мельников Старообрядчество и обрядоверие

"Русская печать, - говорит г. Курбский в "Русском слове", - по-моему, в большом и преступном долгу перед нашим старообрядчеством, как бы кто ни относился к старообрядчеству в частности и к религиозным вопросам вообще, - несомненно то, что старообрядчество - крупное явление русской жизни. Между тем, у нас в печати о каком-то шалом, разнузданном Пуришкевиче, о безличном и ограниченном Крупенском за два года их красования на сцене общественной деятельности написано больше, чем о жизни и деятельности старообрядчества за многие и многие десятки лет. Такое отношение русской печати к крупному историческому явлению русской жизни - не только легкомысленное невнимание. Оно должно быть признано преступною небрежностью".

Следствием этого "легкомыслия" и "небрежности" является неверное понимание старообрядчества. В нем видят что-то мертвое, темное, невежественное. Старообрядчество - это обрядоверие. Так определяет его большинство представителей русской печати. Дальше обрядов, внешнего покрова старообрядчества, они в нем ничего не видят. К ним, к сожалению, принадлежит и сам г. Курбский, как оказывается, не менее других повинный в "легкомысленном невнимании" к "крупному историческому явлению русской жизни".

"Ведь между православием и расколом, - говорит он, - главное разделение было не в духе и не в учении даже, а именно в обрядах. Одни были старообрядцы, другие - новообрядцы. И борьба православных миссионеров со старообрядцами всегда была безуспешна, а при успехе все равно бесполезна, потому что велась всегда в плоскости именно обрядов. Одни говорили:

- У вас такие-то обряды, а надо вот какие и вот почему.

И вытаскивались старые книги, приносились старые иконы. Один вечно живой дух евангельской жизни не трогался. Шло соревнование в буквоедстве...

Но отнимите персты и "азы" у всех "обрядцев", и дальше спор должен будет замереть, а в жертву этому спору двести с лишком лет миллионы русского народа отдавали лучший жар своей религиозной души. В злобе, порожденной им, гнали, травили братьев. Страшно подумать, сколько одни обряды другим причинили гонений, мучений, оскорблений. Сколько героизма и страданий было с одной стороны и сколько суровости, раздражения, злобы - с другой! И во имя чего, из-за чего?! Чем жили люди? Во что душу вкладывали? За что боролись? За что гнали?

Персты, "азы", просфоры, аллилуйи, тот или иной способ написания икон, - привычные, старые напевы!

А жизнь в это время гнила. Душа людей оставалась в скотстве. Порядки жизни строились по-прежнему на неправде, держались в силе угнетением. Обрядники - и новые, и старые, этим не тревожились. Им бы "азы" выправить, да персты сложить, а жизнь может оставаться корявою, рассыпаться и давить людей, как ей угодно" ("Русское слово").

Что касается новых обрядников, то, действительно, они не только не тревожились тем, что гнила жизнь и душа людей оставалась в скотстве, но сами всеми средствами, самыми бесцеремонными и преступными, уродовали людей и жизнь их превращали в каторжные мучения. Говорить же о старообрядчестве, что и оно повинно в создании такой жизни, - значит клеветать на него или, по меньшей мере, обнаруживать удивительное незнание истории старообрядчества и условий его существования в родном отечестве. Как можно говорить, что старообрядцы не тревожились тем, что "по-рядки жизни строились на неправде и держались в силе угнетением", когда вся жизнь старообрядчества есть протест против этих несправедливых порядков, есть вопль против угнетений и насилий.

"Ни администрация, ни общество обстоятельно не знают, - заявляет П.И.Мельников, - что такое раскол". "Это незнание раскола, - поясняет г. Юзов, - происходит не от малого количества фактов, собранных исследователями его, а от односторонности этих фактов. По преимуществу обращали внимание на обрядовую разницу раскола от православия и не замечали, или, скорее, не хотели замечать, что раскольническое миросозерцание построено на совершенно иных началах, нежели то, которое положено в основание нынешнего общественного строя" ("Староверы и духовные христиане", Юзов, стр.5).

Старообрядцы всегда стояли не только за церковную, но и за социальную правду и справедливость. Сотни старообрядческих вождей умерли на плахах и кострах за одно лишь обличение властей в бесчеловечном их отношении к народу. Любовь, сострадание и справедливое отношение ко всем - вот основа старообрядческой жизни. "Пусть всякая вера, - говорится в старообрядческом сочинении "Зеркало для духовного внутреннего человека", - сама собой окажет плод евангельской добродетели. Нет надобности приводить мучением в веру по подобию

языческому". Широко развитая в старообрядчестве благотворительность и братская помощь, постоянные заботы о бедных и нуждающихся, горячая отзывчивость в тяжкие години родины на народные бедствия и несчастья, - все это говорит за то, что в старообрядчестве не погас вечно живой дух евангельской жизни, и что оно стремится к тому, чтобы "корявая жизнь" не давила людей, как ей угодно, но была бы для них радостью и счастьем. "Нельзя не заметить, - писал еще г. Кельсиев, - что и новые идеи, если только они совпадают с характером народа и уясняют ему его же желания, - принимаются им очень легко и переходят в плоть и кровь". Какие этому доказательства? Из чего это видно? "Это подтверждается, - авторитетно заявляет г. Кельсиев, как известно, серьезно изучавший старообрядчество, - самим же расколом" (Сборник, вып. I, стр.6-7).

Старообрядчеству никогда не было чуждо и самое широкое просвещение. "Наше общество, - свидетельствует г. Юзов, - привыкло думать, что так называемые староверы - приверженцы буквы, что они по своему религиозному фанатизму представляют какие-то окаменелости, которые достались нам по наследству с варварских времен, и что все желание их направлено на сохранение старых обрядов. Люди, высказывающие на раскол противоположный взгляд, сравнительно редки; даже в литературе господствует мнение, что раскол - следствие невежества и слепой привязанности к обычаям предков; можно подумать, что православие держится у остального народонаселения вследствие большого просвещения его. Но все свидетельства за то, что раскольник грамотнее и развитее православного крестьянина". "Нет никакого сомнения, - утверждает Вл. Фармаковский, - что уровень образования раскольников стоит выше, нежели у православных"; "всякий начитанный сектатор загоняет в споре всякого любого священника", - подтверждает гр. С.С.Стенбок. Не только теперь, но и прежде староверы отличались начитанностью и бойким умом: так, например, по словам г. Нильского, "всякому известно, что, например, "Поморские ответы", написанные под редакцией Денисовых, затрудняли своим содержанием не только иеромонаха Неофита, человека, впрочем, может быть, и не совсем просвещенного (однако, заметим мы от себя, посланного синодом просвещать староверов), но и просвещенного Феофилакта Лопатинского, архипастыря умного и образованного. И доселе еще остаются "Поморские ответы" не разобранными вполне и удовлетворительно. А между тем эти "Ответы" - не единственное сочинение раскольническое. Есть немало и других, еще более обширных и более, видимо, основательных произведений раскольнического ума. А что сказать о сочинениях раскольнических, менее объемистых, но иногда не менее значительных? По крайней мере то, что число их очень велико". Старовер Павел Онуфриевич Любопытный в предисловии к своему сочинению "Каталог, или библиотека староверческой церкви" говорит, что он составил ее "дабы ею вразумить невежд и обуздать шумную их буйность, кричащую, что старообрядцы есть сущие невежды; что они о своей вере и ее обрядах не имеют никакого понятия, не знают никаких наук, словесности и чужды образования ума и сердца, чтобы они, бедные, в сих ложных мнениях опомнились" (Чт. в Имп. общ. ист. и др., 1863 г., кн. 1-я).

"В приведенных мною фактах, - заключает г. Юзов, - нет ничего удивительного, так как крестьяне, одаренные духовными талантами и жаждущие применить свои силы к трудам умственным, холодные к православию и при недоверии к правительству и духовенству большею частью обращающиеся в раскол, представляющий им обширное поле для деятельности, - бегут к раскольникам, где находят своего рода общество людей ученых, т.е. начитанных, библиотеки, читателей, издателей, переписчиков, переплетчиков и все пособия для свободного общения мысли и слова. Вот отчего раскольничья литература с каждым годом все больше и больше увеличивается. Рукописных посланий и стихотворений раскольнических появляется многое множество.

Кто же может поверить, что раскол, рекрутируемый талантами, представляет из себя какую-то мумию" ("Староверы и духовные христиане", И.Юзов, стр. 47, 48 и 49).

Однако, скажут, нельзя отрицать, что старообрядцы восстали против Никона из-за обрядов, из-за книжного исправления только; они не захотели отстать от старых обычаев и принять новые. Это и есть обрядовере, преклонение перед буквой.

Ученые исследователи явлений русской жизни еще не уяснили вполне всю сущность старообрядческого протеста. Но некоторые шаги в этом направлении ими уже сделаны. Знаменитый историк нашего времени В.Ключевский в недавно вышедшем из печати "Курсе русской истории" говорит, что сторонники Никона дают такое объяснение появлению раскола: "Раскол произошел от невежества раскольников, от узкого понимания ими христианской религии, от того, что они не умели отличить в ней существенное от внешнего, содержание от обряда". "Но этот ответ, - заявляет Ключевский, - не разрешает всего вопроса. Положим, известные обряды, освященные преданием, местной стариной, могли получить неподобающее им значение догматов; но ведь и авторитет церковной иерархии освящен стариной и притом не местной, а вселенской, и его признание необходимо для спасения: свв. отцы не спасались и без него, как без двуперстия. Каким же образом старообрядцы решились пожертвовать одним церковным установлением для

другого, отважились спасаться без руководства законной иерархии, ими отвергнутой" ("Курс русской истории", ч. III, стр. 369-370).

В самом деле, задумывались ли когда-либо обвинители старообрядчества над этим чрезвычайно серьезным вопросом, так ясно поставленным проф. Ключевским? Старообрядцы глубоко преданы всем церковным установлениям, до мелочей включительно, и если уж обряды для них имеют большое значение, то внутренний строй церковный, иерархическое правление, духовная власть иерархов как установление Божие должны иметь для них еще большую важность. Как же случилось, что ради сохранения обрядов они отвергли иерархов как губителей, ослушались их соборных определений и сотни лет терпели "духовный глад". Чтобы не быть изменниками церковных преданий, они умирали на кострах и плахах, лишались всего, даже жизни. Объяснить это явление невежеством нельзя. Старообрядцы, как мы видели, были грамотнее и просвещеннее своих противников.

В чем же дело?

Проф. Ключевский дает психологическое объяснение появлению русского церковного раскола. "Объясняя происхождение русского раскола, - говорит он, - у нас часто с особенным ударением и некоторым пренебрежением указывают на слепую привязанность старообрядцев к обрядам и текстам, к букве Писания, как к чему-то очень неважному в деле религии. Я не разделяю такого пренебрежительного взгляда на религиозный обряд и текст. Я не богослов и не призван раскрывать богословский смысл таких предметов. Но религиозный текст и обряд, как и всякий обряд и текст с практическим житейским действием, кроме специально богословского, имеет еще общее психологическое значение, и с этой стороны, как и всякое житейское, т.е. историческое явление, может подлежать историческому изучению...

Религиозное понимание, как и художественное, отличается от логического и математического тою особенностью, что в нем идея или мотив неразрывно связаны с формой, их выражающей. Идею, выведенную логически, теорему, доказанную математически, мы понимаем, как бы ни была формулирована та или другая, на каком бы ни было нам знакомом языке и каким угодно понятным стилем или даже только условным знаком. Не так действует религиозное и эстетическое чувство: здесь идея или мотив по закону психологической ассоциации органически срастаются с выражающими их текстом, обрядом, образом, ритмом звуком. Забудете рисунок или музыкальное сочетание звуков, которое вызвало в вас известное настроение, - и вам не удастся воспроизвести это настроение. Какое угодно великолепное стихотворение переложите в прозу, - и его обаяние исчезнет. Священные тексты и богослужебные обряды складывались исторически и не имеют характера неизменности и неприкосновенности. Можно придумать тексты и обряды лучше, совершеннее тех, которые воспитали в нас религиозное чувство; но они не заменят нам наших худших. Когда православный русский священник восклицает в алтаре "Горе имеем сердца", в православном верующем совершается привычный ему подъем религиозного настроения, помогающий отложить ему всякое житейское попечение. Но пусть тот же священник сделает возглас католического патера *Sursum corda*, - тот же верующий, как бы хорошо он ни знал, что это тот же самый возглас, только на латинском языке, и в стилистическом отношении даже более энергичный, верующий не поднимется духом от этого возгласа, потому что не привык к нему. Так религиозное мирозерцание и настроение каждого общества неразрывно связаны с текстами и обрядами, их воспитавшими.

С тех пор, как люди стали себя помнить, в продолжение тысячелетий и до наших дней, они не умели обойтись без обряда ни в религии, ни в других житейских отношениях нравственного характера. Надобно строго различать способ усвоения истины сознанием и волей. Для сознания достаточно известного усилия мысли и памяти, чтобы понять и запомнить истину. Но этого очень мало, чтобы сделать истину руководительницей воли, направительницей жизни целых обществ. Для этого нужно облечь истину в формы, в обряды, в целое устройство, которое непрерывным потоком надлежащих впечатлений приводило бы наши мысли в известный порядок, наши чувства в известное настроение, долбило бы и размягчало бы нашу грубую волю и, таким образом, посредством непрерывного упражнения и навыка, превращало бы требования истины в привычную нравственную потребность, в произвольное влечение воли. Сколь-ко прекрасных истин, озарявших дух человеческий и способных осветить и согреть людское общежитие, погибло бесследно для него только потому, что они не успели вовремя облечься в такое устройство и с помощью его не были достаточно разучены людьми! Так не в одной религии, так во всем" ("Курс русской истории", ч. III, стр. 370-373).

Нет ни одной религии, которая существовала бы без формы и обрядов. Лишите ее этой внешней оболочки, - и она перестанет быть религией, превратившись в простое философствование, хотя, быть может, полное глубоких и красивых мыслей. Сколько было в Церкви догматических споров по самым тонким богословским вопросам с такими еретиками, которых даже названия уж

несколько столетий как изгладились из памяти людей. Кто помнит еретиков евионитов, херинтов, кердонитов, катафригов, енкратитов, савелиан, павликиан, манихеев, непотиан, акакиан, евномиян, евтихиан, североан, аффордокистов, антидикомарианитов и бесчисленный ряд других еретиков? Против них в свое время собирались соборы, писались обличения, трактаты, в которых излагались глубокие догматические мысли. Но кто их знает? Кроме специалистов-богословов, - никто. Они не вошли в сознание людей, не впитались в их душу. Потому что не были облечены в форму, не выражены обрядом."Помощью обрядов, текстов и правил религиозная мысль, - говорит Ключевский, - углубляется в тайны вероучения, постепенно уясняя их себе и направляя религиозную жизнь. Эти обряды, тексты и правила, повторю, не составляют сущности вероучения; но по свойству религиозного понимания и воспитания они в каждом церковном обществе тесно срастаются с вероучением, становятся для каждого общества формами религиозного миросозерцания и настроения, трудно отделяемыми от содержания" ("Курс русской истории", ч. III, стр. 379-380).

Старообрядцы никогда не придавали значения обряду без его содержания, без той связи, которая уносит нас в глубину веков, соединяет нас неразрывной нитью почтения, авторитета с прежними церковными учителями, свв. мужами и свв. апостолами и созидает нас во единое церковное тело. В этом смысле обряд - по сознанию старообрядцев - никогда не умирает.

Мог ли устареть и умереть обряд в самом деле? - спрашивает старообрядческий епископ Михаил и отвечает:

"Конечно, нет. Его душа вечно жива.

Разве только мы можем умереть для обряда.

Обряд не может убивать духа. Дух создал его, и как воспоминание о прежде пережитом религиозном настроении он снова будит это настроение, и, если душа не спит, внешность и обряд снова одухотворяются для человека и становятся для него силой животворящей.

Не нужно забывать, что обряд ведь это - видимый покров незримой тайны, незримой истины, живое тело живой души, вместе с тем есть те ступени, по которым миллионы верующих века и века восходили к Богу.

Это одно уже должно было сделать их навсегда не только святыми, но и дать им навсегда силу благодатного освящения. Святая мысль, молитвенная деятельность исторически так тесно связана с обрядом, что уничтожить обряд (если бы даже это было возможно психологически) - значит разорвать ряд драгоценнейших ассоциаций, значит подвергнуть опасности самую мысль, связанную с обрядом и выраженную в нем, значит убить и молитвенную деятельность" (см. брошюру "О вере и неверии", вып. II, стр.107).

Придавая такое значение обряду, старообрядцы не могли не протестовать против той дерзкой и безрассудной ломки обрядов и церковных преданий, которую предпринял бывший московский патриарх Никон и послениконовские соборы.

"Я всегда, - говорит г. А.Одоев в "Миссионерском обозрении", - удивлялся тому нареканию на первых расколоучителей, что будто бы по невежеству они до крайности тупо твердят об известном <пременении>: <это ересь, это ересь>, они только утверждают, что тут <еретические затейки> Никона, т.е. под невинной, по-видимому, и безразличной вещью на самом деле скрывается злой умысел Никона исправить веру. Острым скальпелем своей критики и стараются они вывести на свежую воду эти <затейки>, этот умысел, дабы все видели, что здесь дело идет не о безразличных вещах, а о самой вере, о <головных> вещах.

Как хотите это называйте, но только здесь не невежество, напротив, пересоленное вежество, не тупая близорукость, напротив, излишняя дальнзоркость, не смешение догмата с обрядом, напротив, боязнь, как бы чрез слишком безразличное отношение к обряду не пострадал догмат, вера. Расколоучители стояли на верной точке зрения, что между догматическими и нравственно-практическими истинами христианства с одной стороны и внешним выражением их в обрядности и в букве книг с другой - тесная связь. Им нельзя отказать и в понимании той мысли, что изменение внешнего выражения христианских истин не означает непременно и изменения (испревращения) последних. Но в данном случае они убеждены были, что это, к несчастью, так. Вот в этой убежденности, вернее, предубежденности и вся суть дела, а не в невежестве". ("Миссионерское обозрение", 1906 г., январь, ?1, стр. 22, в прим.).

Любопытно, что этот взгляд на старообрядческий протест выражен на страницах миссионерского органа.

Другой сотрудник "Миссионерского обозрения" врач С.А. Апраксин в своей "Исповеди уверовавшего интеллигента" говорит о старообрядчестве: "Я не могу не считать вместе с епископом вологодским Никоном старообрядчество сокровищницей, Самим Богом уготованной на святое хранение старых обрядов и заветов древних, не могу не преклоняться перед их твердой верой, горячей любовью ко всему церковному, перед мощностью их духа, не словившегося, несмотря на

гонения, на преследования, на злострадания, - все эти качества столь необходимы для создания истинной Церкви Христовой и так мало их остается у нас в православных (см. брошюру его "Девять лет на лоне православной церкви", стр.12).

Когда это сетование г. Апраксин выразил на миссионерском съезде в Н.-Новгороде в августе 1907 г., - то ему заметили некоторые члены съезда: "По-видимому, вы уж слишком склоняетесь к старообрядчеству, - чего там хорошего? - одна буква и больше ничего".

"Одна буква? - возражает г. Апраксин. - "Много раз я слышал про эту "букву", немало и думал о ней. О, если бы вы, православные миссионеры, вдумались хорошенько, почувствовали бы и поняли эту "букву", увидели бы вы тогда, что за этой буквой скрывается великий дух - Дух Божий, разум святоотеческий, а за вашим "духом" - духом гордыни, лености и плотоугодия скрывается облеченный в православные ризы протестантизм, оттого-то вы так мало и цените вопрос о богослужении и все прочие указанные мною в докладе древнеправославные просветительно-воспитательные средства, что в ослепленной страстями своей душе вы давно уже стали близорукими рационалистами-протестантами, ничего не признающими, кроме своего немощного разума" (брошюра "Прения по поводу доклада С.А.Апраксина на миссионерском съезде в Н.-Новгороде", стр.10).

Насмешка над буквой, презрение к обрядам довели господствующую церковь до такой чудовищной небрежности, что в ней не сохранилось в целостности ни одного обряда, ни одной службы. Вместо стройного церковного чина, уставности, осмысленности обряда - какие-то обломки, изуродованные остатки. Полное богослужение, имеющее в своей цельности глубокий догматический смысл, заключающий в себе церковную психологию, заменено нелепым и бессмысленным только извлечением из службы, - рваной одеждой, изрезанным Тришкиным кафтаном.

С таким отношением к обряду, к внешности, старообрядцы не могут примириться. Это - кощунство, а не служение Богу "в духе и истине". Лучше самое тупое обрядоверие, чем это издевательство над установленными св. Церковью обрядами, чинами, уставами. В последнее время к старообрядческой Церкви присоединилось несколько священнослужителей из господствующей церкви. Почти всех их нельзя было допустить до церковной службы: не умеют служить, не знают, как нужно молиться. Пришлось их учить чуть ли не с азбуки богослужебной. Таковы плоды воспитания в господствующей церкви, безразличного отношения к обрядам и богослужению. "Ну какой же он поп, когда не умеет даже перекреститься как следует", - говорят старообрядцы почти о каждом иерее синодской церкви.

Нам припоминается одна беседа безпоповца с профессором Н.И.Ивановским в Казани, известным "расколоведом" и руководителем противостарообрядческой миссии. Известно, что безпоповцы утверждают, что в господствующей церкви царствует антихрист. Требуется указать и печать его. Собеседник проф. Ивановского заявил, что эта печать заключается в самом "крестном знамении", творимом и мирянами, и священниками господствующей церкви.

- Как так? - удивился миссионерствующий профессор.

- Очень просто и ясно. В Апокалипсисе св. Иоанна Богослова говорится, что печать антихристова будет заключаться в числе его имени "666". А кто же не видит, что это-то число и заключается в вашем так называемом "крестном знамении".

Ивановский был в недоумении. Он попросил своего собеседника дать понятные объяснения. И тот объяснил. Была принесена классная доска (беседа происходила в академическом зале), и на ней безпоповец вывел из "крестного знамения" господствующей церкви "число зверино 666".

- Я не видел ни одного священника господствующей церкви, - заявил собеседник, - который творил бы крестное знамение так, как это делают старообрядцы, т.е. кладут руку на чело, живот, на правое и левое плечо, чем изображается св. Крест. И духовные, и миряне вашей церкви делают всегда так: дотронувшись рукой до лба, они опускают ее к левому боку и тут же делают закругление. Получается цифра "6". А так как обыкновенно творится трижды крестное знамение, то выделявая три раза подряд цифру "6", получится 666. Ясно, что вы творите не крест, а печать зверину.

Такое объяснение безпоповца поразило профессора. Он не знал, как опровергнуть его. Но скоро нашелся. От печати антихристовой он все-таки отбил. На основании многочисленных примеров он доказал, что священники господствующей церкви никогда не возносят руку на чело и только на груди выделяют подобие "0".

В одной из местных газет в отчете о беседе было сообщено, что "Н.И.Ивановский решительно опроверг хитросплетение раскольникового собеседника и доказал ему, что в православном крестном знамении не заключается печати антихриста, а есть только три ноля".

Нельзя не согласиться с утверждением почтенного профессора. Как самое богослужение в господствующей церкви, так и все ее обряды сведены именно к нулю, который, как известно,

никакой ценности не имеет.

Крест - красота церковная, - воспевают его св. Церковь, - верным утверждение, бесом язва. А три "0", или хотя бы их были сотни и тысячи, едва ли имеют вообще какое-либо значение в святом деле, тем более они не могут быть ни утверждением верных, ни церковной красотой. Что же касается бесов, то о них св. Иоанн Златоустый положительно утверждает, что они такому "маханию" только радуются. По нашему мнению, лучше совсем не творить "крестного знамения", чем кощунственно переделывать его на всякие "махания" и ноли. Меньше греха будет.

Церковь же учит, чтобы в ней все творилось истово и уставно. И апостол Павел говорит, что в Церкви "все должно быть благопристойно и чинно" (1 Кор., XIV, 40). Этому же требуют и старообрядцы как истинные последователи свв. апостол и послушные чада св. Церкви.

Обрядоверие ли это? Нет.

Мы видели, что и профессор Ключевский, и врач Апраксин, "уверовавший интеллигент", упрекнув которых в невежестве и буквоедстве никто не осмелится, придают обряду очень важное значение. Мы видели, что безразличное отношение господствующей церкви к обрядам и богослужебному чину довело ее до бессмысленности и пустоты, низвело ее чины и обряды до прямого кощунства.

Обвинить старообрядчество в обрядоверии можно было бы лишь тогда, если бы оно не вкладывало в обряд никакого содержания, не соединяло бы с ним духовной своей связи с древней св. Церковью, держалось бы обряда только по капризу, по привычке. Но в этом-то старообрядчество и неповинно.

"Раскол, - говорит П.Милюков, - был большим шагом вперед для религиозного самосознания совершенно индифферентной народной массы. Раскол отстаивал только внешний обряд, но этот обряд он научил соблюдать, чего масса не делала прежде. Мало того, обряд соблюдался во имя живого религиозного чувства, к которому масса тоже не была приучена прежде и которое выводило ее из векового религиозного безразличия. Таким образом, при всей ограниченности кругозора своих вождей, раскол впервые будил чувство и мысль еще более ограниченной массы" ("Очерки по истории русской культуры", ч. II, стр. 149).

Не все у г. Милюкова верно; он, как видно из этих строк, не совсем ясно представляет себе причины русского церковного раскола. Но и он понял, что, отстаивая обряды, предки старообрядцев делали это во имя живого религиозного чувства и воспитывали религиозное самосознание народной массы.

"Раскол старообрядческий, - заявил недавно проф. Е.Барсов, - на мой взгляд, вовсе не был результатом так называемого мертвообрядового направления, о котором написаны едва ли не целые книги. Напротив, старообрядчество возникло из самого живого мистического отношения к обряду" ("Богословский вестник", декабрь 1908 г., стр. 662).

Кроме того, - говорит другой профессор, А.Лебедев, - самая "причина раскола лежит гораздо глубже, - она касается самого существа Церкви и основ церковного устройства и управления. Различие в обрядах само по себе не привело бы к расколу, если бы дело обрядового исправления велось не так, как повело его иерархическое всевластие. <Ничто же тако раскол творит в церквах, якоже любоначалие во властех>, - писал известный вождь старообрядчества, протопоп Аввакум, в своей челобитной к царю Алексею Михайловичу. И вот это-то любоначалие, угнетающее Церковь, попирающее церковную свободу, извращающее самое понятие о Церкви (церковь - это я), и вызвало в русской церкви раскол как протест против иерархического произвола. Любоначалие было виною, что для решения религиозно-обрядового спора, глубоко интересовавшего и волновавшего весь православный люд, собран был собор из одних иерархов без участия народа, и старые, дорогие для народа обряды, которыми, по верованию народа, спасались просиявшие в русской церкви чудотворцы, беспощадно были осуждены; и на ревнителей этих обрядов, не покорявшихся велениям собора, изречена страшная клятва, навеки нерушимая" ("Московский еженедельник", 1906 г., ?27).

Мы не будем говорить о причинах русского церковного раскола, отмечаем лишь, что и по исследованиям профессоров он произошел не на почве обрядоверия.

Посмотрим теперь, как относятся к обрядам "интеллигентные верующие", какое они придают значение обрядам церковным?

"Я не знаю, - говорит проф. Ключевский, - каков будет человек через тысячу лет; но отнимите у современного человека этот нажитой и доставшийся ему по наследству скарб обрядов, обычаев и всяких условностей, - и он все забудет, всему разучится и должен будет все начинать сызнова. ("Курс русской истории", ч. III, стр. 374).

Возьмем из современных людей прежде всего Л.Н.Толстого. Он отвергает все церковные догматы, считая их "кучей ненужного мусора", отвергает таинства, обзывая их кощунственно "колдовством", отрицает самую Церковь. Но без обрядов, оказывается, он не может молиться. "Лев

Толстой, - свидетельствует о нем В.П.Свенцицкий, - как-то недавно сказал в частной беседе: "Я многое написал о молитве и все-таки молюсь самым глупым образом. И я чувствую, что когда буду умирать, буду креститься" (брошюра "Лев Толстой и Вл. Соловьев", Вал.Свенцицкого), т.е. признает крестное знамение.

О себе Свенцицкий рассказывает, что самые обыкновенные звуки церковного колокола вызывали у него слезы восторга, звали его ко Христу. "От самого беспощадного отрицания всего и всех своим сознанием и от самого дикого самоутверждения своей волей я рвался к Спасителю, к новой жизни, к тихой радости, к самопожертвованию и всепрощению. Христианство было для меня еще туманной светлой полосой, где-то далеко-далеко. Но я уже знал и предчувствовал, что сколько бы ни падал в пути, приду туда, в этот дальний, свободный край. Все было во мне неясно, туманно, по-юношески наивно, я не мог выбросить из души своей всей тяжести, всего сора, - но уже бывали моменты, когда при звуке церковного колокола вдруг беспричинные слезы восторга начинали душить меня, и я вбегал в церковь, забивался куда-нибудь в угол и целовал грязный холодный пол, чувствуя, как в сердце моем все обновляется и оживает" ("Письма ко всем" Вал. Свенцицкого, стр.79-80).

Храм, колокола - это внешность, "видимые вещи". Однако как они спасительно действовали на душу еще не совсем уверовавшего интеллигента. Даже грязный, холодный пол обновлял и оживлял его сердце. Если бы написал это признание старообрядец, разве не упрекнули бы его тотчас же в поклонении внешности, в обрядоверии? Разве не сказали бы, что угол храма и грязный пол для него имеют значение церковной истины и заслоняют собой живой источник - Христа, как говорят это о старообрядческих обрядах? Но как далеко это поклонение обрядам от обрядоверия и буквоедства, - это показал пример плачущего и "обновляющегося" Свенцицкого.

"Но как? Каким образом происходит такое влияние обряда?"

"Я объясняю это так, - говорит епископ Михаил. - Обряд в свое время создан великой мыслью, огромной духовной энергией, подъемом любовного настроения. Но всякая энергия всегда сохраняется по закону, так сказать, <сохранения духовной энергии>. Как теплота, духовная сила обряда сохраняется в нем в скрытом состоянии.

В обряде - святая сила.

Для человека, которого еще не пригрело солнце благодати, они мертвы, безжизненны, но и для него они могут проснуться, <ожить>.

В обряд нужно взглядеться, войти вглубь, чтобы его сила ожила для сердца.

Равнодушные к самой религии, посещающие храм только урывками, остающиеся в нем всего на несколько минут, естественно, глухи к тому, что скрыто за одеждой обряда, и не бывают в состоянии постигнуть его существо и дух. Это люди <душевные>, а не духовные, и над ними сбываются слова св. апостола: <душевен человек не приемлет яже духа Божия, юродство бо ему есть, зане духовно востязуется> (1 Кор., II, 14)" (Еп. Михаил, "О вере и неверии", вып. II, стр.106-107).

Таким людям и осмысленное хранение и почитание обряда будет все казаться тупым обрядоверием.

В "Новом времени" рассказывает Ник.Энгельгардт, "суетный интеллигент", как сам он себя называет, какое впечатление произвела на него небрежность в храме.

"С горестью приходится в том убеждаться, - говорит он, - что государственная церковь и в обрядовой, богослужебной части начинает мало-помалу опускаться. Посмотрите, как служат в храмах и в обиходе церковного круга, который составляет дивную гирлянду византийской филигрании, где каждое звено является созданием высокого художества! Звонят под грандиозной колоннадой Казанского собора. Вхожу. Молящиеся есть, и мало-помалу прибывают в этом неизмеримом храме, но ротонда с рядами мощных столпов пуста, конечно. Совершается служение. Но совершается и уборка храма и алтаря. Вахтеры и сторожа в несоответствующих месту служительских своих мундирах шмыгают мимо дьякона, ускоренно, безостановочно произносящего ектению, начало и конец которой им проговорены на ходу из одних врат в другие. Служители трут, чистят, выносят, уносят. Священнослужение переплетается с служительской уборкой, в которой есть свой привычный ритуал. Молящиеся постепенно прикладываются к сверкающей многоцветными камнями Казанской иконе и к другим изображениям. При этом повторяется каждый раз одна и та же сцена. Едва группа молящихся приложилась к иконе, откуда-то выскакивает длинный, тощий "вахтер" с длинным, грязнейшим полотенцем в руках. Быстро подскакивая то к одной иконе, то к другой, с хлопотливым и сердитым видом, он усиленно начинает протирать стекла, покрывающие живопись, причем дышит на них. Лобызания многих в самом деле ли оставляют такие заметные следы на поверхности стекол, или это особенно рьяный поборник чистоты, но только на моих глазах такое действие повторилось в течение службы несколько раз. Но особенно поразила меня процедура с ковром, так как она к облакам ладана

примешала облака пыли. Тяжелый, большой ковер лежал до самого алтаря. Тощий и маленький "вахтер" принялся его оттаскивать и складывать. В это время Царские врата были открыты. Вахтер тащил ковер, но ему было трудно, так как он не смел же вступить в священное место перед алтарем. Тогда диакон, как был в облачении и, произнося слова ритуала, ногой принялся помогать, откатывая конец ковра от алтаря и проталкивая его в Царские врата... Как потом складывал ковер вахтер, пыля, кланяясь и во все стороны обращая свое туловище, - картина неопишима! А богослужение шло да шло с быстротою почти военною".

Возмущенный описанными безобразиями, "суетный интеллигент" ушел из храма, он не мог равнодушно смотреть на то, что творилось в "доме молитвы", где "душа человеческая, страждущая, озлобленная, несчастная ищет помощи".

А, казалось бы, чего же тут возмущаться. Ведь все это "действие" вахтеров, помощь дьяконовской ноги, скатывание ковра - не догматы, это - "мелочи". Лишь бы в душе было чисто и свято, а остальное - "буква", ничего не стоит. Так рассуждают гг. курбские, когда говорят о старообрядчестве, о нашей "букве" и "азах". Когда же им приходится в своих храмах наблюдать небрежное отношение к "букве", тогда она в их глазах вырастает в нечто важное и великое. И они бегут из храмов.

"В идеале, в веровании нет компромисса, - говорит еще один интеллигент, - ибо там одна буква равна томам, ибо девственница, открывшая свои объятия, может быть чем угодно, даже попасть во святые, но уже девственности своей не возвратит" ("Свидетель", личный орган С.Шарапова, октябрь и ноябрь 1908 г., ?16-17, стр.5).

Знаменитый богослов А.С.Хомяков говорит об обрядах: "Видимое есть всегда только оболочка внутренней мысли. Обряд дело великое: это художественный символ внутреннего единства" (сочинения его, том I, стр.28). "Единством обрядов церковных должен дорожить всякий христианин, ибо в нем видимо проявляется даже для непросвещенного единство духа и учения; для просвещенного же находится источник радости живой и христианской" (том II, стр.6).

Хомяков утверждал, что обрядами управляет Сам Дух Святой.

"Святая Церковь, - писал он, - исповедует веру свою всею жизнью своею: учением, которое внушается Духом Святым, таинствами, в которых действует Дух Святой, и обрядами, которыми Он же управляет" (т. II, стр.9).

Хомяков выполнял все обряды церковные, ходил за службу, соблюдал посты. "Но он серьезно досадовал, - рассказывает о нем Ю.Ф.Самарин, - когда люди благонамеренные и непостоящиеся благосклонно заявляли ему, что им приятно видеть такую привязанность к добрым преданиям, которыми хоть отчасти поддерживается общественное благоустройство; досадовал он потому, что, действительно, с его стороны не было в этом никакого подвига, ни заслуги: он поступал так потому, что не мог поступать иначе, а не мог опять-таки потому, что он не относился к Церкви, а просто в ней жил" (том II-й, стр.12-13, в предисловии).

А жить в Церкви, это значит, - объясняет тот же Самарин, - "всецело и совершенно свободно подчинить свою волю тому закону, который правит Церковью, это значит чувствовать себя живою частицею живого целого, называющего себя Церковью, и ставить свое духовное общение с этим целым превыше всего в мире" (там же, стр.11).

А чувствовать себя частицею Церкви можно лишь тогда, когда исполняешь ее постановления, хранишь и чтить ее обряды, обычаи, уставы. Каждый обряд это уже узел, связывающий с Церковью, это средство, соединяющее человека с ней.

"Я лично не ревнитель православия, - говорит о себе нововременский публицист г. Меньшиков, - но помню, как, попав в избу молокан (на Волге), был поражен: в красном углу не было ни божницы, ни икон. Сели за стол обедать. Никто не перекрестился, не повернул головы в заветный угол. Мне сразу сделалось скучно, и добродетельный их обед показался противным. Все, что писали ранее молокан пророки, например, Иеремия, против идолов, конечно, правда. Дерево - есть дерево, краска - краска, не более. Но что хотите, без этого "дерева", без темного старого лика, часто совсем не видного, без лампадки перед ним русская изба для меня - не изба, а амбар, что ли. И стол обеденный - не стол, и люди - как будто не совсем люди. Что-то святое, освящающее, священное вынута из всего этого. Вынута то, что делало человеческое жилище храмом, бедный стол - как будто немножко престолом, и бедняков, обедающих за ним, как будто детьми Божиими, только что получившими благословение оттуда, от темного лика в углу. Вместо лика поставьте другой символ, но непременно поставьте нечто напоминающее о Боге, сосредоточивающее мысль, поднимающее бедную душу человеческую к вечному ее Источнику. Икона - иероглиф, не более, но этим священным способом изображен древний договор, условие считать в народе, что есть Бог, что Он - впереди всего и выше всего, что есть окончательный непререкаемый Судья, требующий правды, чистоты и всякого благообразия в дому. Молокане отшучиваются насчет икон. "Храм Божий нужно иметь в сердце, и именно там нужно хранить все заветы и договоры". Так, так. Но

одно другому не мешает, а помогает. Религия без культа, без символов, без мифологии, без поэзии - не религия вовсе. Это - нуль без какой-нибудь сопровождающей его цифры. Это - сосуд без всякого содержания. Если это вера, то разве мертвецов". ("Письма к ближним", 1909 г., стр.14-15).

Это говорит человек, для которого самое Евангелие есть лишь легенда и который только со стороны может понимать значение церковного обряда. И если он, придавая такое огромное значение культу, символам, не кажется обрядовером, констатирует только факт, - то можно ли считать обрядоверами тех, кто значение обрядов пережил в своей душе, кому они служили спасительным средством в жизни и кто, выполняя их, чувствует живую связь с Церковью, их установившею.

За обряды старообрядцев живьем сожигали, за них они выстрадали целые столетия; поэтому обряды для старообрядцев имеют особое значение, они свидетели их страданий, терпения, символы их стойкости, непреклонной воли, сильного духа и, наконец, победы над своими врагами.

Отречься от выстрадавших обрядов, из-за которых пролито море невинной крови, - значило бы отречься от своей истории, погрязнуть свое "святая святых". Это значило бы признать правду за ложь, а ложь за правду. Склонить свое чистое знамя пред своими жестокими поработителями, признав на их стороне истину и справедливость. Это было бы подвигом Иуды предателя и самооплеванием.

Известный религиозный мыслитель и писатель В.В.Розанов, отвергающий даже догматы церковные, вот как возмущается "мелочами".

"Вот уже много лет, - рассказывает он о себе, - как я во всех бывающих у каждого человека пароксизмах тревоги душевной, стыда, раскаяния, высокого умиления бегу в ближнюю церковь, какую-нибудь, - все равно, молюсь, с радостью целую церковный образ; если священник в это время выносит крест, целую и у него руку: и, успокоенный, с весельем в душе, возвращаюсь домой. Все это - наличный факт. Просто - это есть. В то же время, когда я стою в церкви, придя сюда без особенного повода в личной жизни, стою, как мирянин обыкновенный и в обыкновенном настроении, и оглядываюсь кругом, то я просто... точно не узнаю всего, точно никогда этого не видел, точно все это для меня ново: до такой степени все это видимое я отрицаю и знаю твердо, почему отрицаю. Вы удивитесь: так молиться и ничему не верить. В этом-то и состоит факт, и вы поймете, что в таком неустойчивом положении не может оставаться душа человеческая, что она может прожить в нем краткие исторические миги лишь с величайшим трудом. Все зрелище, весь вид церкви, все старые иконы ее нашептывают мне: <ложь! ложь! ты пришел сюда ко лжи, ты здесь стоишь перед ложью. Все здесь тобою видимое - ложно>. Вы закричите, священники запротестуют, но я остановлю их некоторой иллюстрацией, - крошечной, но зато очевидной, как таблица умножения".

В чем же дело? В чем эта ложь?

"Вот передо мною образ, перед ним зажженная лампадка, стоит и молится ему старушка. Вглядываюсь: длинная борода, благочестивое лицо, немножко <не от мира сего>, и надпись по-славянски с титлами: <Св. равноапостольный царь Константин Великий>. Во-первых, он не царь, а император, ну и почему же бы не назвать: <святой император>? Некрасиво звучит, в ухе вязнет. Обратите внимание на эти слова: <некрасиво>; ради <красоты> церковь переменяла достоверный титул. Но кто это нарисован? По монетам, как во все царствование Константина Великого чеканившимся, так и по выбитым сейчас после его кончины, где он представлен с саваном на голове, всем нам известно толстое, коротко остриженное, безбородое, слишком <от мира сего> лицо, напоминающее наиболее сытых католических патеров, на которых рисуют карикатуры. Ну, что же, я думаю, святыми бывали и толстые: и раз Константин в самом деле <равноапостолен>, то отчего его и не нарисовать, как есть?" ("Записки с.-петербургского религиозно-философского общества", выпуск 1-й, стр.32-33).

Вот в чем дело - в одной лишь наружности, собственно, в одной бороде императора Константина. Важно ли это? Ну, не было бороды, а потом выросла. Чего же волноваться и смущаться?

Нет, важно, очень важно, - отвечает В.В.Розанов, тот самый В.В., который самые догматы христианства признает совершенно ненужной "таблицей умножения". А из-за одной бороды поднимает бурю, ведет поход против церкви и все в ней объявляет ложью. "Все зрелище, весь вид церкви нашептывают ему: ложь! ложь!". И он в ужасе бежит из церкви.

Но посмеет ли кто признать его обрядовером, бессмысленным буквоедом? Едва ли. Скажи о бороде какой-либо старообрядец, его сейчас бы высмеяли. Стоит ли из-за бороды спор вести. А В.В.Розанов чуть ли не целый доклад читает о бороде в петербургском религиозном философском обществе, затем печатает в "Новом времени" статьи все о той же бороде. И ничего.

Только один С.А.Аскольдов возразил ему в собрании религиозно-философского общества, что "неужели то, что Константин Великий был человек полный, а церковь рисует его худощавым, -

так громадно, так губительно для его религиозности, что от этого у него умирает религиозный порыв" (там же, стр.37).

А что, если бы г. Розанов был при Никоне и услышал такую подтвержденную анафемой ложь: "Преданием прияхом с начала веры, от свв. апостолов и свв. отец и свв. седми соборов, творити знамение Честнаго Креста с тремя первыми перстами десныя руки, и кто от христиан православных не творит крест тако, по преданию восточныя церкви, еже держа с начала веры даже доднесь, есть еретик и подражатель арменом. И сего ради имамы его отлучена от Отца и Сына и Святаго Духа и проклята" ("История русской церкви", митр. Макария, т. XII, стр. 191).

Что сказал бы против этого определения В.В.Розанов? Сравнительно с этим клятвенным актом борода Константина Великого, из-за которой современный писатель и даже философ так шумно тревожится, сушая мелочь. В этом анафемском приговоре все ложь - ложь на апостолов, ложь на святых отцов, ложь на вселенские соборы, на всю древнюю Церковь. А самое проклятие с отлучением от Святыя Троицы чего стоит. Это преступнее самой лжи. А признание православных христиан еретиками за то только, что они не примут ложного триперстия, - разве это не беззаконие. Не убийство Авеля Каином?

И как было не протестовать против этого осквернения св. Церкви и этого незаконного убийства ее чад? И старообрядцы протестовали. Во имя церковной правды, во имя свв. мужей и самой Церкви. Неужели весь этот протест можно свести лишь к незначительной разнице в обрядах?

На собрании религиозно-философского общества по поводу возражений г. Розанова о лице царя Константина говорил архим. Михаил, будучи в то время еще старообрядцем.

"Здесь В.В. упоминал о старушке, которая стоит перед лжи-вой иконой Константина Великого и говорит: <Я чувствую, что это ложь, ложь, ложь, хотя сам иногда прихожу и молюсь перед этим самым Константином Великим>. Здесь говорят: <Какая маленькая мысль, какой маленький бунт из-за этой иконы Константина Великого>. Конечно, это не главное, это не существенное, это очень маленькое, но не совсем такое маленькое, как кажется. Я хочу этот же самый пример В.В. чуть-чуть умножить фактами совершенно того же свойства, но большей ценности. И, может быть, они покажутся слушателям моим убедительными. Я дам несколько исторических справок. (Прошу простить меня за эту часть, которая, может быть, покажется бесплодной, неинтересной). Я буду говорить только о русской церкви. Два века тому назад история дала нам Никона. Это был человек, который не почитал старого кlobука, а почитал новый кlobук - греческий, и вот во имя этого нового кlobука совершились великие церковные реформы. Люди, мало воспитанные, но чающие религии, держались за свой старый обряд, держались за свое право жить и думать в церкви. Но вот человеку понадобился греческий кlobук, и он с ним внес нечто греческое, выгнал народ из церкви и изломал его жизнь. А когда против этого протестовали, когда народ кричал, что он хочет иметь место в церкви, он ответил целым рядом казней и пыток. Мы знаем, что на некоторых архиерейских дворах стояли целые аллеи старообрядцев, которые были обращены в ледяные статуи. Мы знаем много кое-чего; кто хочет, может прочитать в 5-м томе Самарина о людях, у которых вытягивали жилы во имя греческого кlobука. Но это было не все. Ряд этих мелочных лжей (если можно это слово склонять во множественном числе) продолжался. Нужно было бороться с тем же религиозно взбунтовавшимся народом. И вот делается распоряжение составить сочинение против старообрядцев и приписать его на <Димитрия с братией>, т.е. составляется подлог против старообрядцев. Та иерархия, которая отделилась у нас от Церкви, решила быть <католиками более, чем папа>. Она решает сделать подлог и приписывает его человеку, который умер семь веков тому назад. Создается документ 12-го века, который рассказывает историю о том, как Иосиф Кротовский раскрыл эти деяния в Киеве, как он нашел книги, написанные <древним характером, плесенью, аки сединой покрытыя>. И этот документ, который, по Мельникову, даже не постарались подделать и написали не древним характером, а почерком 18-го века, - был брошен в жизнь. А когда против него протестовали, - первым протестовал дьякон Александр, - то его обезглавили, а тело его сожгли. Я иду чуть-чуть дальше. Является нужда определить отношение церкви к этим старообрядцам. Появляется книга <Камень веры>, которая была повторена вторым изданием 50 лет тому назад. И в этой книге ставится вопрос - можно ли убивать еретиков? Решается этот вопрос просто: убивать их нужно. Для них это самое полезное, потому что для еретиков не может быть <инога врачевания, паче смерти>. Вот две книги - вторая и третья" ("Записки религиозно-философского общества", вып. I, стр. 45-46).

Эти книги раскрывает и В.В.Розанов. "Каждый из нас знает, - говорит он, - что уже о восьмилетках священники строго говорят: <Ему время приходиться на покаяние>. Я подчеркиваю слово - строго. У них все <строго>. Ответишь о восьмилетке: <Да он только варенье таскает>. - <Вот и грех, пусть покается>. Так. Пусть. Все мы и повинемся. Нет ли однако грехов у церкви? Не у церковников, а у нее самой в великом ее целом? Да вот, господа, печеное человеческое мясо. Ну,

ведь до того очевидно, что это - страшно, что это - грех, что горели на кострах <образы и подобия Божии>. В вареньи ли покаяться? - <Да, нужно>. - А в человеческом мясе? - <Нет, не нужно, потому что это я сожгла, я живыми замуровала в землю, в кирпичные стены: а я - святая>...

Господа, чувствуете ли вы ужас этого сознания? Не мерещится ли вам тут что-то совсем противоположное Божественному порядку вещей? Я сам не кончаю своих мыслей. Когда я об этом думаю, сердце мое больно, больно сжимается, я перестаю отвечать самому себе, не хочу дальше думать... Потому что я простой слабый человек, хотящий молиться, нуждающийся в молитве: а когда я отвечу себе на эти вопросы, то кому и где я стану молиться? Наконец, я русский и определенно, и решительно не хочу разрывать с русской землей, с родным своим, со всем своим" (там же, стр.34-35).

Так говорит о господствующей церкви г. Розанов. Разрывать с русской землей теперь незачем. Слава Богу, в наше время уже не слышно на Руси запаха "печеного человеческого мяса".

Старообрядцы все время стояли за "образы и подобия Божии", а их мучители в это время упивались кровью.

Знает ли это г.Курбский, так смело бросивший обвинение старообрядчеству, что и оно будто бы повинно в том, что "жизнь в это время гнила. Душа людей оставалась в скотстве. Порядки жизни строились на неправде, держались в силе угнетением"?

Очень печально, что многие говорят и пишут о старообрядчестве, не зная ни его истории, ни его сущности.

Журнал "Церковь" 1909 г. (№13-14).
"Духовные ответы" №3 1995 г.

Текст взят с сайта «Научная библиотека» <http://abovo.net.ru/>